

СИНИЕ СКАЛЫ

Ж. В. Андреева

Честь систематического изучения путей развития древнего Приморья принадлежит русским ученым. Особенно широкие археологические исследования края стали проводиться после Великой Отечественной войны. Были открыты памятники палеолитического и неолитического времени, доказано существование бронзового века в Приморье, обнаружены памятники железного века. В результате раскопок, проведенных Дальневосточной археологической экспедицией, Институтом истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного научного центра (ДВНЦ) АН СССР и Дальневосточным университетом (Владивосток), несколько поселений железного века исследованы полностью, на других вскрыты довольно широкие площади. В результате изучения созданной таким образом источниковедческой базы учеными намечены, в частности, этапы развития железного века в Приморье, датированы отдельные археологические памятники и целые культуры, дана характеристика уровня развития производительных сил той эпохи¹.

Железный век в Приморье — время больших изменений в хозяйственной и общественной жизни древних обитателей края. Железо было известно здесь уже в первой половине I тыс. до нашей эры. В конце I тыс. н. э. намечается сложение раннефеодальной государственности, но еще на рубеже нашей эры начался период развитого железа, который включает в себя памятники как первобытнообщинного строя, так и более поздние, средневековые. Культура развитого железа первобытнообщинной эпохи получила название ольгинской — по наиболее изученному поселению Синие Скалы, расположенному недалеко от районного центра Ольга, в Восточном Приморье. Синие Скалы на основании радиоуглеродного анализа, по нумизматическому материалу и методом аналогии датируются V — VIII веками². Дальнейшее развитие ольгинской культуры шло в раннем средневековье. Оно изучается по комплексу нижнего слоя многослойного средневекового памятника Круглая Сопка в Центральном Приморье, датируемого VIII—XI веками³.

Синие Скалы (иначе Чертов утес) находятся в долине р. Аввакумовки, на ее левом берегу, в 3 км выше устья. Аввакумовка — одна из крупных рек Восточного Приморья. К устью долина заметно расширяется и представляет собой болотистую низину с густой травой и лиственным лесом, окруженную круто обрывающимися сопками. Синие Скалы — это гряда, выступающая от основного массива сопки в сторону Аввакумовки. Склоны скал очень обрывисты и бедны растительностью. Их общий цвет — голубовато-зеленый (отсюда и название). Поселок располагался на вершине гряды, в большой впадине, идущей амфитеатром. За 10 полевых сезонов раскопками вскрыто более 2 000 кв. м культурного слоя (что составляет лишь незначительную часть памятника), собраны тысячи находок и десятки тысяч фрагментов глиняных сосудов.

В настоящее время известно более 20 памятников ольгинской культуры в Приморье. Как правило, они невелики по площади. Столь крупный поселок, как Синие

¹ А. П. Окладников. Далекое прошлое Приморья. Владивосток. 1959; его же. Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 112. М.-Л. 1963; А. П. Окладников, А. П. Деревянко. Далекое прошлое Приморья и Приамурья. Владивосток. 1973; Г. И. Андреев. Некоторые вопросы культур Южного Приморья III—I тыс. до н. э. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 86. М.-Л. 1960; Ж. В. Андреева. Древнее Приморье. М. 1970; Д. Л. Бродянский. Южное Приморье в эпоху освоения металла (II—I тыс. до н. э.). Автореф. канд. дисс. Новосибирск. 1969, и др.

² Ж. В. Андреева. Указ. соч., стр. 134—137.

³ Л. Е. Семениченко, Э. В. Шавкунов. Раскопки на Круглой Сопке. «Археологические открытия 1971 года». М. 1972.

Скалы, выявлен пока в единственном числе. Часть поселений этой культуры располагается в долинах рек, на нижних речных террасах, часть — на вершинах сопок, занимающих господствующее положение над местностью. Ни в одном случае вокруг поселений не отмечено оборонительных сооружений в виде валов и рвов. Раскопки, заложенные на окраине Синих Скал, тоже не дали следов оборонительных сооружений. Таковые появятся лишь в последующий исторический период. А всего в Синих Скалах раскопано около 30 различных сооружений — жилищ и мастерских. Располагаясь на крутых склонах амфитеатра, они образовывали серию искусственных террас. Подобное расположение жилищ присуще приморским памятникам на протяжении нескольких тысячелетий — от раннего железного века до средневековья⁴.

Жилища и мастерские Синих Скал представляли собой полуземлянки, чьи котлованы врезаны в склоны амфитеатра. К нижней части склона эти сооружения, четырехугольные в плане, были полностью наземными, к верхней — углублены в грунт на 1—1,5 метра. Все жилища относятся к каркасному типу построек, длительное время характерному для многих районов Восточной Азии⁵. У одних жилищ основу стен составлял каркас из столбов, шедших вдоль стен котлована; у других имелись только опорные столбы, на которых лежала кровля, стены же были сложены из горизонтально положенных жердей. Часть жилищ погибла в результате пожаров. Сохранившиеся обугленные остатки позволяют восстановить конструктивные особенности сооружений. Стены из горизонтально положенных жердей или плах связывались пучками осоки и изнутри были выстланы берестой. Пол покрывался чистой светлой глиной. В качестве строительного материала использовали дуб, реже — осину⁶.

На окраинах поселения находились однокамерные сооружения площадью от 10 до 16 кв. метров. В каждом из них возле стены располагался очаг в виде углубления, покрытого толстым слоем глиняной обмазки. В одном из жилищ в очажной яме найден целый глиняный сосуд, в другом, недалеко от очага, — раздавленные сосуды, топор, глиняные пряслица, обугленные зерна чумизы на кусках бересты. Ближе к центру поселения площадь жилищ увеличивается до 30—60 кв. метров. Внутри жилищ появляются уступы, выполнявшие роль сидений, нар. Не все помещения одновременны: отмечены следы перестроек и наслоение котлованов одних жилищ на другие. Поселок существовал длительное время. Он пережил периоды расцвета и упадка.

Большой интерес представляют остатки сооружений, которые служили для производственных целей. Их можно назвать мастерскими. На западной окраине поселения обнаружены остатки литейной мастерской с обломками каменных литейных форм. В одной из форм отливались пуговицы уплощенно-конического вида. Такие пуговицы были найдены в жилище. Обращает на себя внимание большое количество светильников в мастерской. Горящий жир, налитый в светильники, освещал некогда древних мастеров и то, что они делали у жарких горнов. Обнаружены и остатки кузнечной мастерской с кусочками железной руды, шлаками, обломками железных предметов. Кроме того, следы литейного и железоплавильного производства найдены почти по всей площади поселения, а в одном из жилищ встретился обломок глиняного сосуда с застывшей на нем каплей металла. Спектральный анализ показал, что это свинец с небольшой примесью серебра⁷. Металлические капли и крохотные слитки попались еще в нескольких местах. Повсюду разбросаны кусочки железной руды и обломки криц. Основная обработка руды велась у подножия Синих Скал, на берегу ручья, где обнаружены скопления древесного угля, шлаков, дробленой руды (в одном из скоплений ее было около 20 килограммов). Залежи железной руды с высоким содержанием железа известны недалеко от поселения⁸.

⁴ А. П. Окладников. Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока, стр. 157—158, 164.

⁵ «Народы Восточной Азии». М.-Л. 1965, стр. 247.

⁶ Определение пород дерева произведено в Институте археологии и в лаборатории лесоведения Биолого-почвенного института ДВНЦ.

⁷ Определение произведено Т. В. Сверкуновой в лаборатории спектрографии Дальневосточного геологического института ДВНЦ.

⁸ См. И. Боголюбский. Очерк Амурского края, южной части Приморской области и о. Сахалина в геологическом и горнопромышленном отношении. СПб. 1870.

Затем были вскрыты две мастерские по изготовлению и обжигу глиняной посуды. Внутреннюю площадь помещения занимали развалы печей — скопления жженой глиняной обмазки. В одном из скоплений оказалось восемь раздавленных сосудов, в том числе светильники на высоком поддоне. Такие же светильники были в литейной мастерской. У разрушенной печи обнаружено около 1 кг обугленных зерен ячменя. Вторая печь оказалась пустой. Перед тем как начали раскапывать эту гончарную мастерскую, обратили внимание на желобчатое углубление, хорошо заметное на поверхности склона. При разборке культурного слоя в этом месте стали попадаться нижние части деревянных кольшков — следы чьих-то раскопок. Характер растительности и грунта свидетельствовал о том, что копали довольно давно. В дальнейшем выяснилось, что в 1915 г. один из коллег известного путешественника В. К. Арсеньева А. Пель, ожидавший его выхода через Сихотэ-Алинь в долину Аввакумовки, произвел здесь раскопки⁹. Наконец, остатки еще одной гончарной мастерской найдены в центре поселения. Как и первая, она погибла в результате пожара.

Если на поселениях раннего железного века (янковская и кроуновская культуры) производственные процессы протекали и на специальных площадках, и в жилищах, то в Синих Скалах появляются сооружения, служившие только для производственных целей. Мастерские располагались и на окраинах поселения, и в его центральной части. Это свидетельствует о том, что в середине I тыс. н. э. еще не произошла территориальная концентрация ремесленников, связанных с определенным видом производства. Совсем иная картина прослеживается в памятниках более позднего времени, в частности на Шайгинском городище XII века. Кроме жилищ и мастерских, в Синих Скалах имелось общественное здание. Оно выделяется не только размерами (площадь — свыше 150 кв. м), но и планировкой. Внутренняя часть котлована состояла из двух площадок: верхней (более 50 кв. м) и нижней (более 100 кв. м). В северной и южной частях нижней площадки врезаны еще две площадки в 10 и 30 кв. м, слегка опущенные в грунт. По краям углублений видны ямки от опорных столбов. В центральной части нижней площадки найдены раздавленные глиняные сосуды и украшения: железный браслет, ожерелье из зеленых яшмовых и сланцевых бус, бус из голубого стекла. Очага здесь нет. Зато на боковых плечиках котлована обнаружены горизонтальные площадки с углистым слоем, под которым идет сильно прокаленный слой грунта.

Археологами вскрывались не только жилища, но и межжилищные пространства. Ни разу возле жилищ не были обнаружены следы хранилищ для запасов пищи и почти не было хозяйственных дворишков. Раз не встречаются семейные хранилища, следовательно, должны быть общественные. Полагают, что большое сооружение в центре поселения как раз и являлось общественным складом. Появляется новый вид сооружений, неизвестный в предшествующее время, — дороги. На южном склоне амфитеатра от нижнего ряда жилищ вниз по склону зигзагом шла дорога, двухметровое полотно которой врезано в грунт склона и не имеет специальной вымостки. В центре поселения раскопан деревянный водосборный колодец у естественного водостока. Некогда весь грунт был снят до выходов скалы, превращенных в ровную площадку. На северо-западной границе площадки лежала на ребре полутораметровая плаха. Укрепленная обломками скалы и крупной галькой, она защищала колодец, расположенный в полуметре от нее. Стенки колодца сделаны из горбылей, поставленных на ребро выпуклой стороной наружу. Для крепления между собой горбыли имели трапециевидные выемки. Таким образом, колодец представлял собой сруб в несколько венцов. Снаружи его стенки обернуты кусками бересты и укреплены обломками скалы и крупной галькой. После того как из колодца был вычищен грунт, он тут же начал заполняться водой. Влажный грунт и береста помогли интересному сооружению сохраниться. Эта находка позволяет судить об уровне строительной техники середины I тыс. нашей эры.

Синие Скалы являются многослойным поселением. Нижний слой относится к поздней бронзе (конец II тыс. до н. э.). Находок от той эпохи немного. Они увязываются с комплексом из пещеры у подножия Синих Скал. Пещера имела хорошо насыщенный культурный слой одного времени, в свою очередь увязываемый с материалом посе-

⁹ «Раскопки Н. Г. Харламова в Дальневосточном крае» (архив Ленинградского отделения Института археологии, ф. 2, д. 135: устное сообщение сына А. Пеля).

лений Восточного Приморья, объединяемых в группу памятников маргаритовской культуры. Результаты раскопок в Синих Скалах помогли решить вопрос о существовании бронзового века в Приморье. Ранее на памятниках маргаритовской культуры неоднократно находили каменные наконечники копий и кинжалы, копирующие литые бронзовые образцы (есть такие находки и в Синих Скалах), но они свидетельствуют лишь о знакомстве тогдашнего населения края с бронзой. В вышеописанной бронзолитейной мастерской попались литейные формы, часть которых носит следы вторичного употребления. Впервые ими пользовались в конце II тыс. до н. э., судя по тем предметам, которые отливались в формах (наконечники копий и стрел). Следовательно, в то время были известны и металл, и способы его получения. Найдены также изделия из бронзы в поселении Синий Гай, недалеко от оз. Ханка¹⁰. Один наконечник копья из Синих Скал близок к наконечникам сейминско-турбинского типа, которые встречаются на обширной территории — от Европейской части СССР до Забайкалья¹¹. Шлифованные и полированные кинжалы подражают карасукским образцам Сибири и Забайкалья. Бронзовые предметы из Синего Гая тоже близки к позднекарасукским образцам¹². В чем же дело? Оказывается, мощная рудная база Сибири явилась той основой, на которой развивались бронзовые культуры сопредельных областей¹³. В течение многих веков наблюдались устойчивые связи между древними обитателями Приморья и Восточного Забайкалья, осуществлявшиеся через бассейн Амура и, возможно, через степные районы Центральной Азии¹⁴.

Основная масса находок в Синих Скалах относится к периоду развитого железа (V—VIII вв. н. э.). Одни связаны с хозяйственной деятельностью обитателей поселка: орудия для обработки земли и сбора урожая (наконечники на землеройные орудия, кельты, лопата, серпы), предметы от конской упряжи и повозок (подпружные пружки, части псалей), обломок втулки от ступицы колеса, обломок чеки). Два последних вида изделий получили более широкое распространение только в эпоху средневековья¹⁵. Кроме того, среди находок имеются ножи, скобели, тесла, втульчатые пещни, остроги. Некоторые формы орудий восходят к раннему железному веку, особенно орудия ручной обработки земли. Вооружение представлено наконечниками стрел и панцирными пластинками. Железные наконечники в начале периода развитого железа немногочисленны и по форме повторяют каменные, шлифованные, плоскотреугольные с выемкой в основании. Но вскоре наконечники из железа становятся одной из самых многочисленных категорий находок и приобретают разнообразные формы, часть которых доживает до средневековья. Наконец, ряд изделий связан с бытовой стороной жизни: чугунные котлы, украшения и т. п.

При сравнении с ранним железным веком период развитого железа дает резкое увеличение количества изделий из железа. Так, на поселении раннего железного века на полуострове Песчаном при равной с Синими Скалами вскрытой площади обнаружено лишь 10 железных предметов, а в Синих Скалах — около 200. Орудия труда более разнообразны. Расширяется сфера их применения. Широкое распространение получает боевое и охотничье оружие из железа, вытесняющее изделия из бронзы и камня. Бронзовых изделий тоже становится больше, чем в раннем железном веке. Среди них — бубенчики, пуговицы, нашивные ременные бляшки и фигурные пластинки, браслеты, наверхие на шапку, фигурки коней с всадниками. Ременные бляшки имели широкий ареал распространения и хорошо известны в Средней Азии, Сибири, Центральной Азии. Они связаны там с тюркскими памятниками V—VIII веков¹⁶. Про-

¹⁰ Д. Л. Бродянский. Раскопки у с. Синий Гай в Приморье. «Археологические открытия 1971 года».

¹¹ О. А. Кривцова-Гракова. Бессарабский клад. М. 1949, табл. I—II, стр. 19—24, 28.

¹² См. Д. Л. Бродянский. Раскопки у с. Синий Гай в Приморье.

¹³ А. П. Окладников. Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока, стр. 171.

¹⁴ См. А. П. Окладников. Далекое прошлое Приморья.

¹⁵ В. Д. Ленков. О технологии получения и обработки металла у чжурчженей в XII в. «Материалы по истории Дальнего Востока». Владивосток. 1973, стр. 93.

¹⁶ А. Н. Бернштам. Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня. «Советская археология», т. XI, 1949, стр. 348; С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М. 1951, табл. LIX, рис. 13; А. Д. Грач. Археологические раскопки в Монгун-

никновение этих вещей в Приморье может быть объяснено связями с Тюркским и Восточно-Тюркским каганатами. Фигурные же бронзовые пластины, круглые и четырехугольные, характерны для Приморья и бассейна Амура (некоторые из них известны не только в средневековье, но сохраняются и в более позднее время у малых народностей Дальнего Востока); эта вещь местного происхождения. С развитием металлургии и возрастанием роли железа в хозяйственной деятельности изделия из бронзы вообще выпадают из важнейших сфер производства, о чем свидетельствует отсутствие бронзовых орудий труда и оружия в памятниках вполне развитого железа.

Хотя в Приморье существовал бронзовый век, он не вылился в такие насыщенные металлом культуры, как карасукская в Сибири. Однако наличие даже малого количества металла оказало влияние на ход и темпы исторического развития. Именно недостаток металла и большая потребность в изделиях из него были одной из причин раннего появления железных изделий в Приморье. А период развитого железа явился временем таких быстрых и принципиальных изменений во всех направлениях деятельности человека, что в целом темпы развития напоминают как бы взрыв. Анализ следов металлургического производства позволяет проследить еще один процесс деятельности древнего человека. На поселении III—II тыс. до н. э. в бухте Валентин найдено большое количество орудий, которыми добывали и обрабатывали руду¹⁷. Видимо, это было делом всей общины. Позднее встречаются жилища-мастерские со следами бронзолитейного производства, например, в поселении Малая Подушечка. В Синих же Скалах найдены уже чисто производственные помещения. Их появление свидетельствует о процессе социально-трудовой дифференциации, когда выделяются люди, которые специально занимались ремесленным производством.

Одна из особенностей железного века в Приморье — длительное сосуществование изделий из металла и камня. В раннем железном веке каменные изделия преобладают, а техника их обработки достигает невиданного ранее расцвета. В развитом железном веке количество каменных топоров, тесел, ножей резко сокращается, почти исчезает оружие из камня, зато возрастает роль каменных изделий, которые служили для заточки металлических орудий, обработки руды и растирания зерна. Обитатели Синих Скал в середине I тыс. н. э. все еще пользовались каменными орудиями. В ряде случаев их употребление носило вторичный характер. Так, шлифованные ножи использовались как ударные инструменты, у которых рабочим краем стала одна из торцовых сторон. Немало трущих орудий: плиты для растирания, шлифовальные плиты, терочки, куранты, точила. Значительный процент орудий представлен морскими гальками, приспособленными для различных целей: отбойники, лощила, молоты. Более четверти всех изделий из камня — это грузила из небольших овальных галек для рыболовных сетей. Только один вид каменных изделий достиг тогда расцвета — украшения, особенно бусы. Все они местного производства. Очень широко использовались породы зеленого цвета. Характерны узкие цилиндрические бусы, небольшие привесочки четырехугольной формы, секирообразные бусы, шаровидные из желтого или красного халцедона. Появляются бусы из голубого и черного стекла.

С эпохи неолита изделия из глины остаются самой многочисленной категорией находок. Остатки сосудов на поселении составляют десятки тысяч фрагментов. Обилие посуды свидетельствует о большой роли вареной пищи. Основная часть посуды леплена от руки, толстостенная, с крупными примесями в тесте. Техника изготовления посуды уходит традициями в ранний железный век. Стенки лепились из широких, плоских лент глиняного теста. Поверхность покрывалась тонким слоем глины без примесей, и по этому слою наносился узор. Хорошо лощенные сосуды редки. Цвет поверхности неровен и варьирует от желтого до бурого или от красноватого до почти черного, что зависело от характера обжига керамики. Формы сосудов многообразны, хотя почти всегда узкодонны и вытянуты в вертикальном направлении, порою с таким узким дном, что

Тайге и исследования в Центральной Туве. «Труды» Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции, 1957—1958. М.-Л. 1960, рис. 34 (а), стр. 70; Л. А. Евтюхова. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан. 1948, стр. 35, рис. 40; стр. 57, рис. 97; А. А. Гаврилова. Могильный Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. Л. 1965, стр. 51, рис. 7, и др.

¹⁷ С. А. Семенов. Каменные орудия эпохи ранних металлов. «Советская археология», 1969, № 2, стр. 5—9.

без подпорок они плохо удерживали равновесие. Кухонная посуда представлена мисками, горшками, крупными сосудами для хранения припасов. Вазы очень нарядны, их стенки сплошь украшены комбинациями узоров. Своеобразны светильники — неглубокие широкие чаши на высоком поддоне. Обильны тисненые орнаменты: узоры, нанесенные кончиками пальцев (ногтевой, ямочный), штампами (шашечный, ромбический); другие восходят к начальному этапу раннего железного века: пояски горизонтальных бороздок, геометрические прямолинейные узоры, наклепные валики, горизонтальный желобчатый узор.

Прогрессирует техника изготовления глиняной посуды, появляется гончарный круг. Но гончарная керамика в Синих Скалах составляет не более 7% от общего количества. На доньях и стенках встречаются тамги (знак принадлежности), процарапанные на стенках или нанесенные на донья по сырой глине. Найдена также керамика, которая может быть связана с металлургическим производством: обломки прокаленных сосудов со следами шлака или каплями металла. Весьма характерны глиняные пряслица. Формы некоторых устойчивы на протяжении длительного времени. Из глины выделялись бусы и привески. Она служила также как строительный материал при сооружении печей для обжига посуды; толстым слоем глины обмазывались очаги, светлой глиной покрывались полы в жилищах. Специальное обследование, проведенное в окрестностях Синих Скал, показало, что ряд местных растений мог использоваться в качестве сырья для прядения, ткачества и плетения: несколько видов крапивы — для изготовления тканей, различные осоки — для получения грубых тканей и веревок, липа, луб которой годится на рожи ¹⁸.

Хозяйство железного века определяется как комплексное. На протяжении почти двух тысяч лет оно складывалось из нескольких компонентов: земледелие, скотоводство, охота, рыбная ловля и собирательство. Земледелие стало известно здесь, судя по находкам обгоревших зерен культурных злаков, в эпоху бронзы ¹⁹. В железном веке происходит дальнейшее его развитие, особенно от рубежа н. э. до VIII в., когда резко увеличивается количество находок злаковых зерен. Почти в каждом жилище встречаются обугленные комки каши или зерна чумизы ²⁰. Железных орудий для ручной обработки земли мало. Это необъяснимо, если не предположить, что в то время получают распространение новые способы обработки земли, позволившие увеличить площадь обрабатываемых полей.

Второе направление в хозяйственной деятельности — скотоводство. Оно было известно уже во II тыс. до н. э., судя по находкам костей домашней свиньи и собаки в пещере у Синих Скал. В раннем железном веке скотоводство играло большую роль: анализы найденных тут костей показывают высокий процент наличия свиней и собак ²¹. Резко меняется картина в эпоху развитого железа: до 99% костей принадлежит домашним животным (охота сходит на нет), в том числе 54% — лошади, 38% — крупному рогатому скоту, 5% — свинье, 1,5% — мелкому рогатому скоту ²². Кроме того, если в раннем железном веке скотоводство служило лишь источником пищи, то в эпоху развитого железа ведущее место в стаде занимают те животные, которые могли использоваться в качестве тягловой силы при обработке земли. Складывается база пашенного земледелия. Получает объяснение и тот факт возросшей роли земледелия, о котором сказано выше (новые способы обработки земли). Упрочивается связь между земледелием и скотоводством. В раннем железном веке Приморья, когда основу домашнего стада составляли свиньи и собаки, скотоводство было в ведении женщин и подростков, то есть лиц, тесно связанных с домашним хозяйством. В период развитого железа отрыв скотоводства от домашнего хозяйства и непосредственная связь его с

¹⁸ Растения собраны и определены М. А. Скрипкой.

¹⁹ А. П. Окладников. Возникновение земледелия на Дальнем Востоке. «Вторая научная конференция по истории, археологии и этнографии Дальнего Востока. Тезисы докладов и сообщений». Владивосток. 1960, стр. 7.

²⁰ Определения зерен произведены Ф. Х. Бахтеевым, Н. А. Кирьяновой, А. В. Кирьяновым.

²¹ Н. М. Ермолова. Остатки млекопитающих из раковинных куч полуострова Песчаного. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 112, табл. 2; Г. И. Андреев. Некоторые вопросы культуры раковинных куч. «Советская археология», 1958, № 4, стр. 19—20.

²² Определения костей произведены В. И. Цалкиным, В. П. Данильченко.

земледелием меняют хозяйственную деятельность населения. Разведение лошадей и крупного рогатого скота — достояние мужчин²³. К середине I тыс. н. э. складываются предпосылки появления частной собственности и имущественного неравенства.

Третье направление хозяйственной деятельности — охота, рыбная ловля, собирательство. Приморский край имел богатейшие фауну и флору. Поэтому охота, рыболовство и собирательство могли даже с появлением скотоводства и земледелия длительное время оставаться важными занятиями. Направленность охоты — та же, что и ранее: на крупных копытных животных, особенно изюбря. Масса рыбы водилась в реках, озерах, лагунах, прибрежных районах моря. С эпохи неолита и до развитого железа рыболовство процветало. В инвентаре поселения Синие Скалы отмечен высокий процент грузил, найдены большие железные остроги. Активно использовались периоды хода лососевых на нерест. При обследовании растительности на территории поселения и его окрестностей обнаружено около 40 видов растений, которые шли в пищу: груша уссурийская, яблоня маньчжурская, несколько видов боярышника, шиповника и малины, черемуха, рябина, актинидия, виноград амурский, орех маньчжурский, кедр корейский, лещины (лесные орехи). Много оказалось диких злаковых (различные виды проса), три вида папоротников, три вида дикого лука, три вида лилий, два вида зонтичных, два вида бобовых, водяные орехи. Все эти растения могли служить объектами собирательства²⁴.

Основная же линия развития хозяйственной деятельности — укрепление позиций производящих отраслей в раннем железном веке и полная победа их в период развитого железа, переход от комплексного хозяйства в раннем железном веке к земледельческо-скотоводческому в период развитого железа, дальнейшее совершенствование орудий труда с проникновением во все виды деятельности железных изделий, выделение металлургического и гончарного дела в самостоятельные виды производственной деятельности. Это создало к середине I тыс. н. э. предпосылки изменений социально-экономического характера. Время существования поселения Синие Скалы — канун появления первых государственных образований в Приморье. С одной стороны, пока еще налицо явления, характерные для памятников первобытнообщинного строя: отсутствие оборонительных сооружений, следов индивидуального ведения хозяйства. Заметим в этой связи, что на Шайгинском городище XII в. частой находкой служат уже замки и ключи²⁵. Но ни в одном поселении железного века, даже в таком позднем, как Синие Скалы, не найден ни один ключ или замок. Значит, родовая собственность еще налицо²⁶. С другой стороны, как это показано выше, прослеживаются процессы, которые вели к разрушению первобытнообщинного строя.

В результате изучения поселения Синие Скалы стало очевидно, что своими корнями материальная культура населения Приморья середины I тыс. н. э. уходит в глубь веков. Идентичный тип построек и внутренняя их планировка известны уже во II тыс. до н. э., например, в поселении, раскопанном акад. А. П. Окладниковым в Дальнегорском районе²⁷. Связи обнаруживаются и с памятниками раннего железного века²⁸. Преемственность в орудиях и формах ведения хозяйства, особенно в земледелии, тоже видна на протяжении всего железного века, причем формы сосудов, техника их изготовления, нанесение и композиция орнаментов генетически связываются с керамикой раннего железного века (янковская культура). Но встречаются также элементы, не находящие аналогий в более ранних памятниках Приморья. Таковы крупные сосуды с широким блюдовидным венчиком, ромбический, шашечный и пальцевый орнаменты, волнистые наlepные валики. Зато с ними хорошо знакомы в соседней с Приморьем области, в бассейне Амура, на памятниках польцевской культуры, которая датируется

²³ В. В. Гольмстен. К вопросу о древнем скотоводстве в СССР. «Проблема происхождения домашних животных». Вып. 1. Л. 1933, стр. 92, 93, 95, 100.

²⁴ Растения собраны и определены М. А. Скрипкой.

²⁵ Э. В. Шавкунов, В. Д. Ленков. Об археологических исследованиях на территории Приморского края в 1968 году. Архив Института археологии, Р-1/3652, и др.

²⁶ Ср. Э. А. Рикман. Некоторые черты общественного строя племен низовьев Днестра и Дуная в первых веках нашей эры. «Советская этнография», 1970, № 6, стр. 29.

²⁷ А. П. Окладников. Далекое прошлое Приморья, стр. 49—50.

²⁸ А. П. Окладников. Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока, стр. 164.

I тыс. до н. э.²⁹ Эта культура обладает большим своеобразием и в то же время имеет ряд сходных черт с памятниками более поздней, ольгинской культуры Приморья. Таким образом, в сложении ольгинской культуры сыграли, с одной стороны, большую роль культуры Приморья II—I тыс. до н. э., с другой — польцевская культура Приамурья. Здесь отражен процесс консолидации племен накануне возникновения первого тунгусо-маньчжурского государства, намечается этап формирования тунгусских народностей на территории Дальнего Востока.

Общеисторическую роль культуры, связанной с Синими Скалами, можно будет лучше уяснить, если взглянуть на ее место среди других современных ей культур и государственных образований Дальнего Востока. Вторая половина I тыс. до н. э. и первые века н. э. — время широкого распространения железа и изделий из него в Восточной Азии, вызвавшего бурное развитие производительных сил. Развиваются классовообразовательные процессы в Центральной Азии, на Корейском полуострове, в бассейне Среднего Амура и его притоков, на территории Приморья, а также в Маньчжурии и на Японских островах. Анализ археологического материала с памятников ольгинской культуры, особенно поселения Синие Скалы, позволил исследователям выявить ряд таких явлений, которые вели тогда к разложению первобытнообщинного строя. Дальнейшее развитие и логическое завершение эти процессы, зарождение которых прослеживается по археологическим данным на памятниках Приморья в I тыс. до н. э., а особенно на рубеже и в первой половине I тыс. н. э., получили в IX—XII веках. Появляются мощные оборонительные сооружения, эти яркие признаки социальной дифференциации, имущественного неравенства, наличия развитых отношений собственности; идет бурное развитие ремесленного производства³⁰.

В сложении ольгинской культуры большую роль сыграли более древние культуры Приморья II—I тыс. до н. э., а также польцевская культура бассейна Амура, носители которой проникли на рубеже нашей эры в Приморье и Маньчжурию и, кроме того, оказали влияние на сложение культуры яёи на Японских островах³¹. Когда на Корейском полуострове складываются первые государственные образования и затем в IV в. н. э. в юго-западной части полуострова возникло государство Пэкче, а в северной части — Когурё³², то в формировании когуресцев большую роль сыграл тунгусо-маньчжурский компонент, который хорошо прослеживается в материальной и духовной культуре, а возможно, и палеоазиатский компонент³³. В VII в. почти все население полуострова объединяет государство Силла, покорившее Пэкче и Когурё. Ослаблению и падению Когурё в немалой степени способствовали войны с Танской империей, осуществлявшей захватническую политику на северо-востоке³⁴. После разгрома Когурё оттуда проникают на территорию Маньчжурии большие этнические группы³⁵. В формировании древнего населения Японских островов в середине I тыс. до н. э. играла роль большая волна пришлого населения с материка. Это и есть время сложения культуры яёи. Культура яёи характеризуется как сплав культуры дзёмон, культуры поливного риса (пришедшей из Юго-Восточной Азии), культуры полированного камня из Южной Кореи, металлических культур Центральной Азии, Северо-Восточного Китая и Северной Кореи. Не только археологические, но и антропологические данные подтверждают, что в формировании населения периода яёи принимали участие пред-

²⁹ А. П. Окладников, А. П. Деревянко. Указ. соч., стр. 269—277.

³⁰ Э. В. Шавкунов. Бохайские памятники Приморья (по исследованиям 1960 г.). «Археология и этнография Дальнего Востока». Новосибирск. 1964, стр. 102—105; его же. К характеристике жилищ чжурчженей по материалам археологических исследований 1963—1966 гг. «Материалы по истории Дальнего Востока», стр. 84—85; его же. О семантике тамгообразных знаков и некоторых видов орнамента на керамике с Шайгинского городища. «Советская этнография», 1972, № 3, стр. 131; его же. Исследования на Шайгинском городище. «Археологические открытия 1971 года»; В. Д. Ленков. Металлургия и металлообработка у чжурчженей в XII веке. (По материалам исследований Шайгинского городища). Новосибирск. 1974.

³¹ А. П. Окладников, А. П. Деревянко. Указ. соч., стр. 277.

³² М. Н. Пак. О возникновении и утверждении феодализма в Корее. «Историко-география стран Востока». М. 1969, стр. 305.

³³ Р. Ш. Джарылгасинова. Древние когуресцы. М. 1972, стр. 175—178.

³⁴ «История Кореи». Т. I. М. 1974, стр. 85—86.

³⁵ «Народы Восточной Азии», стр. 673.

ставители монголоидных форм, «дальневосточных» элементов³⁶. Но в целом инвентарь культуры яёи отличен от приморского (ольгинской культуры). Сходство прослеживается лишь в некоторых элементах. В яёи появляется много каменных наконечников необычной для Японии формы с вогнутым основанием. Подобные наконечники были на ранних памятниках ольгинской культуры, однако гораздо лучше они известны на поселениях польцевской культуры в бассейне Амура. Керамика яёи своим происхождением обязана континентальным культурам. Среди прочих форм в то время появляются крупные сосуды с широким венчиком. Эти элементы яёи находят аналогии в керамике ольгинской культуры. В свою очередь, они попали в Приморье из бассейна Амура³⁷. Археологический материал позволяет проследить формирование все более близких культур на территории Приморья, бассейна Среднего Амура и его притоков в середине I тыс. н. э., что явилось отражением сложения широких этнических общностей накануне возникновения там государства³⁸.

³⁶ М. Г. Левин. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. «Труды» Института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия, т. XXXVI, 1958, стр. 284; его же. Этническая антропология Японии. М. 1971, стр. 202—204; «Народы Восточной Азии», стр. 855—856; E. Kidder. Japan before Buddhism. L. 1959, pp. 90—104; N. Egami. The Beginnings of Japanese Art. Tokyo. 1973, pp. 30—34, 120—123; K. Tubaki. The Face of Japanese in Comparison with That of the Ainos, Manchus, Mongols, Northern Chinese, Hoimins (Chinese Mohammedans), Dahurs and Golds (Yüpitatz). «Труды» VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. Т. 3. 1968, стр. 15.

³⁷ А. П. Окладников, А. П. Деревянко. Указ. соч., стр. 237; А. П. Окладников, А. П. Деревянко. Польце — поселение раннего железного века у с. Кукелево. «Материалы полевых исследований Дальневосточной археологической экспедиции». Вып. 1. Новосибирск. 1970, стр. 283, рис. 13—14; E. Kidder. Op. cit., pp. 97—104.

³⁸ Э. В. Шавкунов. Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье. Л. 1968; А. П. Окладников, А. П. Деревянко. Далекое прошлое Приморья и Приамурья, стр. 350.